

ВЛАДИМИР
МОТРИЧ

СТИХОТВОРЕНИЯ
И
ПОЭМЫ

Издательство «ЭНГРАМ» при украинско-австрийской компании «ЭНГРАМ-УНИ-АП-Харьков-Вена» начинает печатание книг, авторы которых по тем или иным причинам вплоть до сего времени оказывались в тени издательского внимания, хотя духовные импульсы их сочинений буквально носятся сейчас в воздухе, и публика ждет их. *

В редакционном портфеле мы собираемся оставлять те произведения поэзии, прозы, философии, мемуаристики, антропософии, эстетики, культурологии, публикация которых, не зависимо от давности их создания, от языка оригинала, будет премьерой в русскоязычной библиографии и, мы надеемся, утешением для читателя.

К печати подготовлены: сборник статей по аналитической психологии К.Г.Юнга и книга Алексиса Карреля «Человек: неизвестное».

Издатели

Издание настоящего сборника посвящено памяти М.А. Логиновой, Е.Л. Богуславской и Р.А. Рошер.

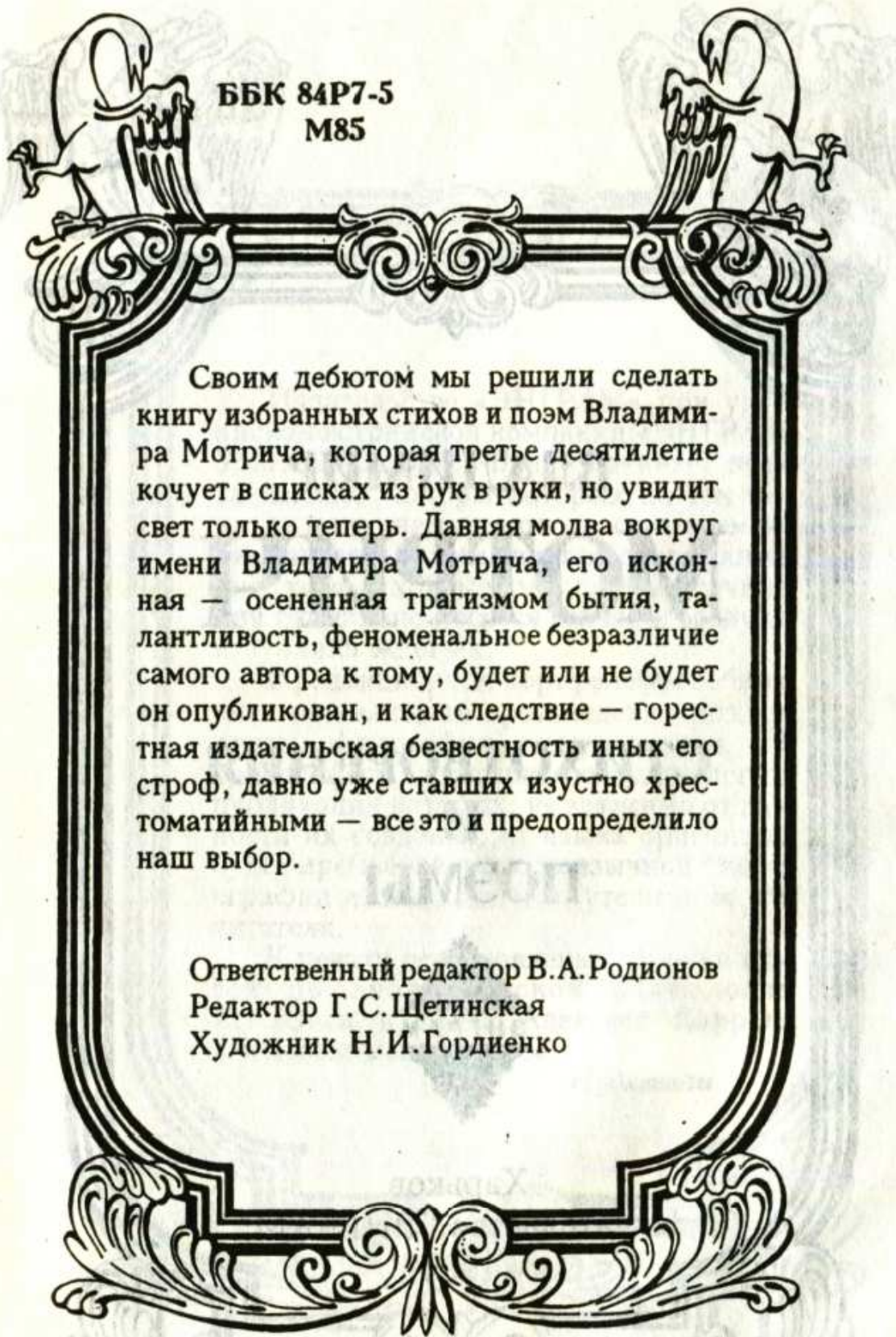

ВЛАДИМИР
МОТРИЧ
СТИХОТВОРЕНИЯ
И
ПОЭМЫ

Харьков
Издательство "ЭНГРАМ"
1993

ББК 84Р7-5
М85

Своим дебютом мы решили сделать книгу избранных стихов и поэм Владимира Мотрича, которая третье десятилетие кочует в списках из рук в руки, но увидит свет только теперь. Давняя молва вокруг имени Владимира Мотрича, его исконная — осененная трагизмом бытия, талантливость, феноменальное безразличие самого автора к тому, будет или не будет он опубликован, и как следствие — горестная издательская безвестность иных его строф, давно уже ставших изустно хрестоматийными — все это и предопределило наш выбор.

Ответственный редактор В. А. Родионов
Редактор Г. С. Щетинская
Художник Н. И. Гордиенко

М 4702010202-001 Без объявления ISBN 5-7707-4380-8

93

© А/О «ЭНГРАМ-УНИ-АП-Харьков-Вена»

Моему первому издателю

Виктору Всеволодовичу Щетинскому —

Владимир Мотрич

Звуки сомнений

Городской натюрморт

Земля

Безносый ревизор

Душные песни

Ностальгия

Горький конфитюр

Поэмы

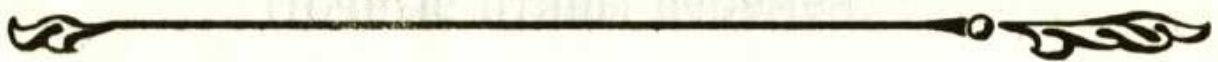

К...
А слышу ласки твои
И шелк твоих тяжелых плеч
Полмира густо знаешь ли.

Твоя холодная страна
С противоречивыми солодинами
И детских сказок седина,
И старых небывших вершины.

Всё видится впервые мне,
Всё чувствуется первоначально.

Звуки сомнений

...

К тебе на исповедь пришел,
А слышу панихиды песни.
И шелк твоих тяжелых штор
Полмира плотно занавесил.

Твоя холодная страна
С противоречьями сплошными
И детских сказок седина,
И старых небылиц вершины,

Всё видится впервые мне,
Всё чувствуется первоначально...
И всё кружатся неустанно
Ночные птицы перемен.

* * *

Войди в меня, мое сомненье,
Душой и разумом владей,
Среди заученных идей
Живи волчонком воскресенья.

Ищи в словесном океане
Скупого разума следы,
Наполнив ветром молодым
Дырявый парус начинаний.

Домов одноэтажных дни
Взрывай соцветием рассвета.
И вдохновение поэта
До звезд безумья подними.

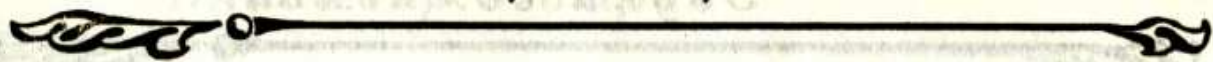
• • •

Это клочки неразборчивых мыслей.
Белые комья бумаги измятой.
Чай, подслащенный душистою мятой.
Ночь проходимка — сообщница крысья.

Кровью рисует самоубийца
Улиц пустынных скупые наброски...
Не разминуться, не заблудиться
От перекрестка до перекрестка.

Самоубийству, самосожжению
Всё подвергается, что не напишешь.
Неуловимые мысли — блаженны.
Чем отдаленней, тем они ближе.

• • •

Обуглились крылья,
истлела туника.
Зрачки полнолуния
ночи белее.
Веселые сны
головой поникли,
бесонница
мучает в ласках Орфея.
Безмолвье.
Ни струн золоченных,
ни песен —
волшебные звуки замерзли навеки,
и только железо скребет по железу —
то приговор пишет
безжалостный лекарь.

Бормочет Орфей
непонятное что-то.
От шепота стены глухие устали.
И время устало —
ночная работа...

И не хватает слов обычных
.....
Ночью, когда замедляется
.....
И трагик в небо цитирует
.....
Решая — быть или не быть
.....
Слова, склеенные усталю
.....
Слова, поверженные в прах

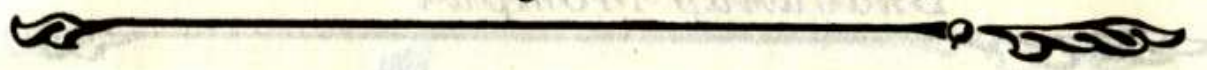

...

Приходит ночь уединенья,
Ищайка-ночь
И ночь-сова.
Становятся прозрачней тени,
И призрачней звучат слова.

Слова — улыбки и оскалы.
Слова — цветы,
Слова — шипы.
Слова, склоненные устало.
Слова, поверженные в пыль.

Слова державного молчанья —
Венец союза и вражды.
Слова обиды за плечами
И бездорожья впереди.

И не хватает слов обычных
Ночную боль заговорить...
И трагик в небо пальцем тычет,
Решая — быть или не быть!

На поклон удышкой отведен
Притолок в рудуше и вай

* * *

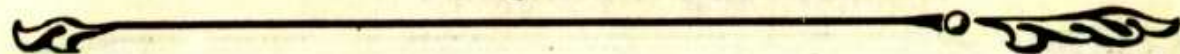
Черная метель над красным станом.
Ни души на сотни верст окрест.
Здесь родился и подохну здесь,
Замело пути в чужие страны.

Ересью, иллюзией ума,
Город спит в натруженных ладонях...
Память — терпеливая мадонна —
Зимний вечер в гости принимай,

На поклон улыбкой отвечай,
Приготовь радушие и чай.

Время усади, за стол садясь.
Нет у вечеров таких исходов...
Напрочь застигает непогода
Прошлых дней губительную связь.

Прошлые уроки, падежи,
Ностальгию бунтов небывалых...
Ни души на сотни лет. Лежит
Красный стан под черным покрывалом.

• • •

Пора роковых ожиданий.
И встреч безысходных пора.
Пугливыми станут мышами
Мещане, чья мать — гора.

И наше тревожное время
Покажется им обновленьем.

А ветер нас вправо заносит
И прямо на скалы несет.
И осени светлая проседь
Из огненных соткана сот.

Под этой таинственной сенью
Мы ждем своего обновленья.

Давай на удачу поставим
Последний, единственный грош.
Заказаны дальние страны
И к ближним едва ли дойдешь.

И все-таки в звуках сомненья
Великое есть обновенье!

* * *

Уже проспали мы
удачный бой.
Надежды нет
на крепостные стены.
На части раздирают наш покой
шакальи пасти
с огненной пеной.

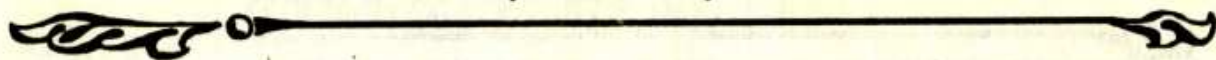
Какое завтра
нас преобразит?
Какой пророк
укажет путь к спасенью?
Спокойный мир
благополучно спит
и радостные видит
сновиденья.

Но рок судьбы
бросает на весы
тяжелый груз
разбуженного гнева.
Смертелен смрад
распоротого чрева,
необратимы
гибели часы.

Пощады нет.
Мир обернулся бездной.
Прощенья нет,
спасенье мир проспал...
Уже сжимает
хваткою железной
беспечный город —
огненный Ваал.

• • •

Андрею Сахарову

Родина!
Возьми меня, я твой.
Всё твое: и ненависть, и зависть...
Разве виноваты мы с тобой,
Что судьба такая нам досталась?

Было дело, что грехи таить,
Не расскажет хроника намеков,
Как ходили пасынки твои
Умирать в постылое далеко.

А шуты пророчили тебя
Дуракам-царевичам в невесты,
И ходила ты среди любав
По рязаням недопетой песней.

За твое святое «прикажи»
Молодцы себе ломали шею,
А тебя хотели задушить
По ночам бессмертные кашеи.

Но в глухие, смутные часы
Пасынки, побитые и злые,
Из несчастья, не жалея сил,
На горбу тебя же выносили!

* * *

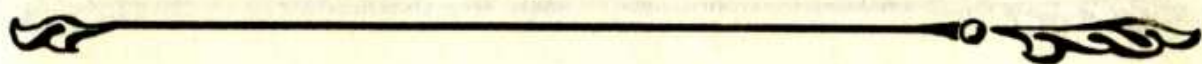
Когда из грота алеутских гор
В пустыню света изгоняют душу,
То цепь не цепь, и мор уже не мор,
Отныне - бренный раб вольноотпущен.

Отныне слово имеет глубину
И не рисовка жест перстов отныне.
Но жизнь минуя, отчий кров минув,
Пророк у капищ разоренных стынет.

Ему неведом жизненный искус.
И на вопросы больше нет ответов...
Так горечи неистребимый вкус
Всему, всему дает избыток света.

• • •

Кружение и суета,
И посвист дудок деревянных.
И астры солнечные вянут,
Сомкнув прозрачные уста.

И в боли моцартовых нот
Растет высокое движенье.
Блаженен мир и мы блаженны,
Пока сомненье в нас живет.

Покуда истины судьбы
Не принимаем мы на веру.
И на невольничих галерах
Мы вольными умеем быть

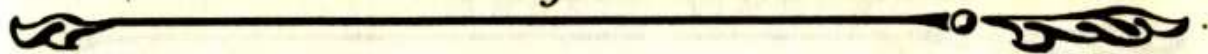
...

И Моцарта любил Сальери,
Но вероломен злой язык...
И пересуды поползли
В открытые для правды двери.

И привидения кругом
Мерещились бессильной плоти,
И грянул Реквиема гром,
Оглохнув на высокой ноте.

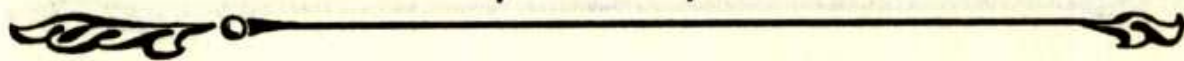
И гениальной рукой
Презреньем свой бокал наполнил.
И в перебранке колокольной
Желанный приобрел покой.

Умерьте справедливый пыл,
В чужие слабости поверьте...
Несправедливый суд толпы
Со смертью путает бессмертье.

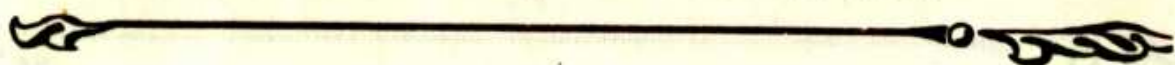

* * *

Самообманом истины больны,
Им не поможет пресловутый лекарь...
Широкоглазы идеалы века,
Тупоголовы идолы войны.

Нас дразнит Бог
Соблазнами небес...
Душа - сомненье -
Я иду к тебе...

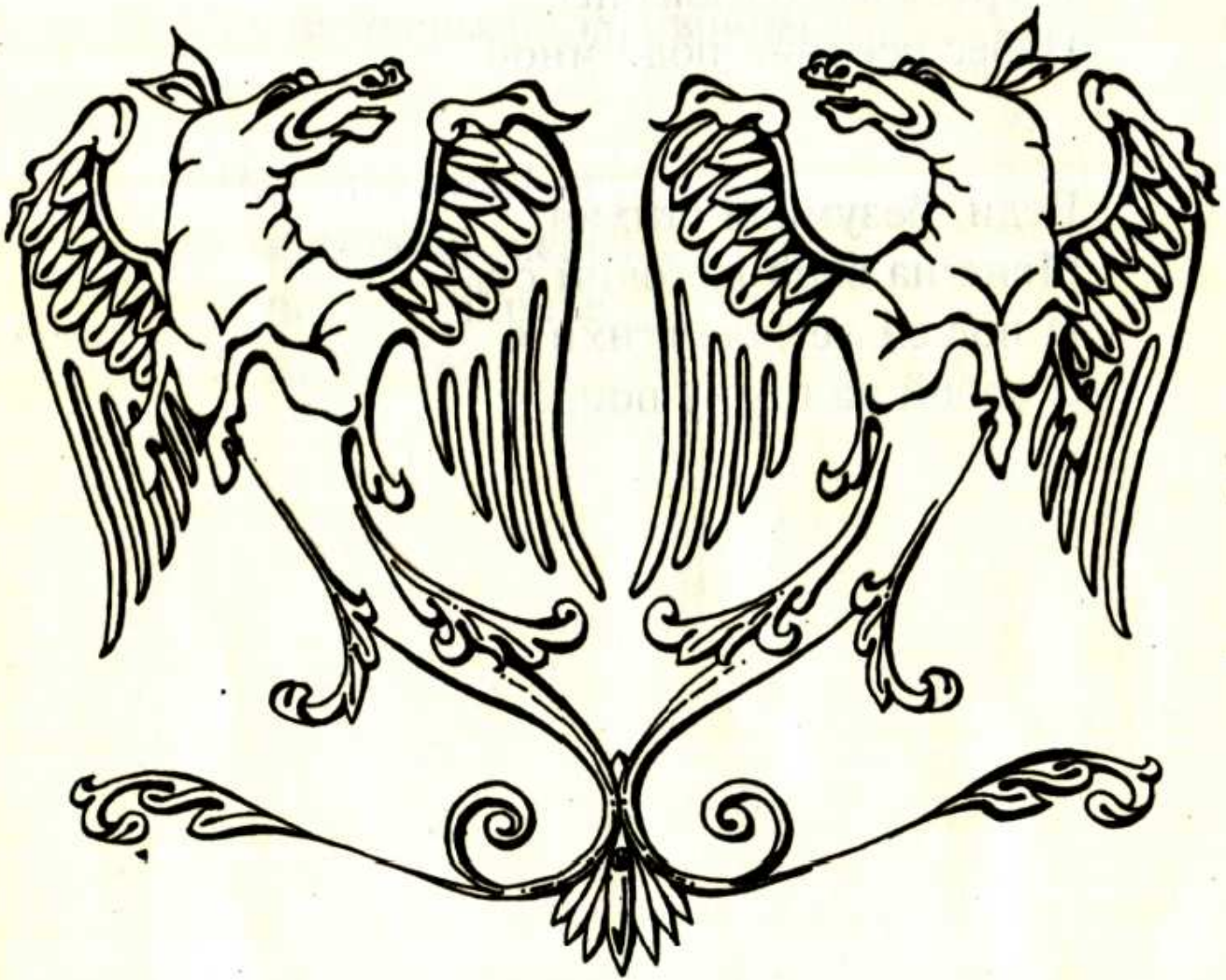

• • •

Сдаюсь на милость побежденных.
Созвездий выставлен конвой.
И грозовые батальоны
Небес осенних подо мной.

Веди, безумная стихия,
Меня на свой высокий суд!
И ношей легкою стихи я
С собой на плаху понесу.

Городской натюрморт

• • •

Э.С.

Мы воруем и верим. И врем.
И храним, и скупимся, и дарим.
Меж ворья мы ворами слышем.
И отраву влюбленности варим.

Путь наш прост — просто нету пути,
Что ни шаг — тупики и заборы.
И душа наша — детище вздора,
Безысходность мечты во плоти.

Кто же мы? Мудрецы, простаки,
Чужеземцы земли сокровенной?
Или просто жуки-светляки,
Что мерцают во мраке Вселенной?

* * *

Скорое время.
Скорбные даты.
Мне бы со всеми
Только не спятить.

Серое время.
Света в полглаза.
Мне воскресенье
В месяц — три раза...

Первая смена,
Встать до рассвета...
Сорное семя?
Чистого нету!

• • •

Слизь осенних щедрот
Город выхаркал глоткой проспекта.
На ходу пешеход
Копошится в измятых газетах.

Перевыполнен план
Девятьсот девяностого года...
Хлопок полностью сдан...
Повышается благо народа...

Тошнотворно дождит,
Ерунды повышая давление.
Натыкаюсь на щит
С пожелтевшим бельмом объявленья:

«Нынче будет концерт».
Будут танцы, и шуры, и муры
В образцовом дворце
Образцовой рабочей культуры.

Негр в пролёте окна
Исступлённо насилует скрипку.
И трепещет она,
Золотою прикинувшись рыбкой.

* * *

У потаскух торжественный прием.
Тела потеют в лихорадке страсти.
В губной помаде яйца педераста
Во мгле мерцают красным фонарем.

Кастрат, лесбийской верностью иссушен,
Мякину искушения жует.
Любовь пьянит настойкою конюшен...
Сегодня казнь. Сегодня мой черед!

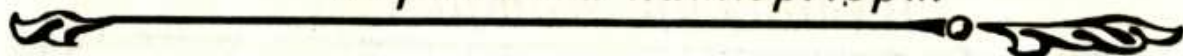
* * *

В четвертом, пятом и шестом —
В неисчислимом измеренье,
Лежу бесформенным пластом,
Бунтарь и пасынок смиренный.

И недоумок, и пророк
В одной ужились ипостаси,
И время задает урок,
И вместо слов — сплошные кляксы.

Что полночь сделала со мной?
Ни голоса, ни подголоска...
И стал до удивленья плоским,
Смешно подумать, шар земной.

...

Вернемся к празднику!
Засучим рукава,
По локоть руки окунем в рассвет.
И выудим бесцельные слова,
Которых в словарях толковых нет.

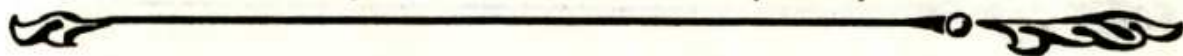
Не будет слов — не велика печаль,
Во всю гортань луженую ори.
Да так, чтоб, негодуя и крича,
Тушило эхо сходу фонари.

Рассвет, мороз — вершина бытия!
По льду со смехом на одном коньке
Укатим в детство оба, ты и я,
Не встреченные по пути никем.

Ребячество — великая игра,
В свой светлый мир загадок позови!
Мы наготове. Нам давно пора
Вернуться к празднику,
                    рассвет благословив.

СОНЕТ

Странник-ветер, пьян и сыт,
Город прятал между пальцев,
Останавливал часы,
С подворотнями братался.

С домовым всю ночь плясал,
Песни пел, пугал уснувших,
Забирал у спящих души,
Оставляя телеса.

Сны цветные воровал,
Рвал на ленты серпантина,
Побирушек в гости звал,

Угощал их крепким чаем,
А на улицах пустынных
Совы времени кричали.

• • •

Восстал лирический закат,
кровавым
всё окрасить хочет:
глухую улицу
и площадь,
секунды,
месяцы,
века.
И бестолкового прохожего
в туман пурпурный
завернул,
и звук, на музыку
помноженный,
упрямо бросил в тишину.

Повсюду красное видение —
пронзительны
и звук,
и цвет.
И от заката
нет спасения,
нигде уединенья нет.

Дома в потоке
красном плавают.
И, слушая
безумный хор,
крестами
в облако кровавое
вцепился намертво собор.

Земля

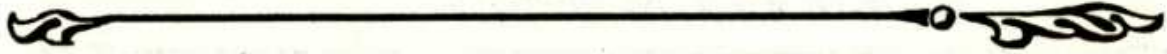

Какой соблазн себя перехитрить,
Придумать в небесах землетрясение,
Заполучив весеннее везенье,
Какой соблазн с Землей поговорить!

О нежности хотя бы пару слов
Сказать друг другу, и на этом — точка.
И в страдный путь уйти поодиночке
Навстречу ветру и друзьям назло.

Давай пожитки наши соберем,
Земля — богиня, нищенка хромая!
Мне в спину март, душа играет маем,
А разум бредит зрелым сентябрем.

* * *

Не говори, со мной не сговоришься.
У времени я стал на поводу.
Кружатся, падают
И вновь кружатся листья,
И с ветром
Затевают чехарду.

В саду, сквозь голубую кисею,
Усталая, воистину устала,
Бросает осень исповедь свою
Граненым полированным кристаллом.

Не старый и не молодой
Сад впитывает запахи и краски,
И смех детей, и стариков устой,
И осени стремительную пляску.

И сказкой, прорастая в травах сочных,
Он многое успеет рассказать,
И музыку, размешанную в солнце,
Он, не допив,
Плеснет в твои глаза.

Ты в снах еще не раз
Мне будешь сниться,
И дверь мою откроет властный стук...
Не говори, со мной не сговоришься,
На наше счастье или на беду.

...

Вольная воля да степь в три дороги,
Да по обочинам тлеют кресты.
Ночью в степи только волк одинокий,
Да обезумевший ветер свистит.

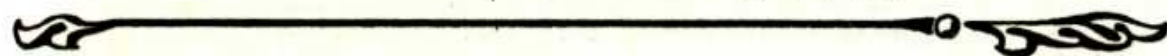
Вольная воля — на всякого хватит.
Вор бородатый спешит на разбой.
Может быть, завтра наступит расплата...
Вольная воля — кровавый запой.

Вольная воля с метелицей дружит.
Русские степи — попробуй, намерь!
Мягко постелят, да насмерть закружат,
Каждому встречному встреченый зверь.

Вольная воля, разгул да жестокость,
Зоркие очи да зубы острые...
Ночью в степи только волк одинокий,
Да обезумевший ветер свистит.

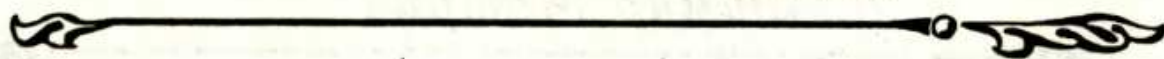
* * *

Под Новый год, на Рождество
Ни снега, ни промерзших стекол.
И непонятная жестокость
Вершит пожизненный устой.
И тает синяя звезда
На воспаленном небосводе.
И пьяный к женщине пристал
И в ночь ее с собой уводит.
И новогодний винегрет
Готовят из вина и счастья,
И никакого проку нет
От непорочного зачатья.

И все подарки невпопад,
Кружатся гости и гостинцы.
И сам Иисус, как конокрад,
В рубахе из цветного ситца
Над воспаленною землей
Качает звездные качели...
Дождливый, серый и сырой
Хрустит суставами Сочельник.

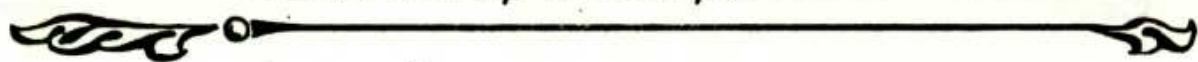

* * *

Зимы узоры на стекле —
Цветы восточных диких сказок,
Любви жестокие проказы,
Паркет дворцов, темницы клеть...
Читать вас — в небеса лететь
И под водой жить водолазом.

Зимы узоры, сколько раз
Я в эти письма влюблялся.
Со мной кружилась полночь в вальсе,
На окна темные косясь.
Зимы языческую вязь
Я вечно дочитать боялся.

Узоров зимних сладок смысл,
Но недоступно их прочтенье...
Хрустит миндальное печенье.
Часов старинных вокализ.
Узоров тайное свеченье.

КРЕЩЕНСКИЙ МОРОЗ

Трещал мороз.
Хотя, в который раз,
Казалось мне, что трескается кровля.
Полночный свет огня у изголовья
Качался, с тишиной соединясь.

Мороз крепчал.
Проклятое крещендо,
Не затихая, холодило дух.
И тени расплзались на виду,
Пугливо избегая освещенья.

Дышал мороз
Невинной чистотою,
Ни зла, ни отвращения не тая,
Сгонял людей сереющей толпою
К дымящимся купелям бытия.

Мороз терзал
И верных и неверных,
И поднимал к вершине черный крест...
Рычали псы, в голодном откровении
Готовые один другого съесть.

Мороз глаголил
Неразумной черни
О высоте распятого Христа.
И в воду гнал, и совершал крещенье,
Но впитывала веру пустота.

Трещал мороз.
Столетия трещали
И исчезали в трещинах земли.
А с высоты, задумчив и печален,
Спокойно серебрился Божий лик.

МАРТ

Еще я задыхаюсь от зимы,
А в марте, что ни ночь, все та же стужа.
И частый кашель ошалевших кошек
На мысль наводит — быть тепла не может.

Не пахнет первой ласточкой еще,
И градусник в окне висит сосулькой.
Земля в снегу. На реках толстый лед.
И все-таки весна уже грядет.

Открыли выси синие глаза,
Асфальт лоснится в солнечных проталах.
И с каждым днем уже длиннее день.
И чувствуется благостная лень...

Я — лень земли, ее огромный нуль,
Стою на перекрестке двух столетий,
Тепла и холода, надежды и тоски,
Зажатый в ожидания тиски.

И лапа памяти царапает нутро,
А в городе гудит набатом время.
Стою на перекрестке, будто голый,
От холода я прослезился, что ли?

Прожить полвека, в сущности, пустяк,
Двойная суть и двойственно обличье —
Во мне и праведник и шут сидит отпетый.
Приметы страха — яркие приметы.

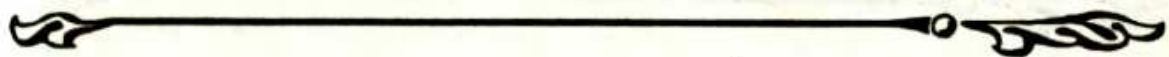

Всегда у страха подлость в рукаве.
Мне мысль страшна,
                        что нас ласкает подлость...
Я спрятался в ладонях у эпохи,
Дела мои, как и эпохи, плохи.

А впрочем, два червонца на такси
И за город умчатся, в поднебесье.
Тулуп трещит. Какая маята...
Все суета сует, все суета!

Мне только бы добраться до угла,
А за углом — жестокая удача —
Сквозняк с души срывает оболочку,
Душа из тела на свободу. Точка.

.....
.....
.....
.....

И, холодом зимы переболев,
Любви и свету открываю двери.
Весну встречаю отроком счастливым,
В душе мечта — цветенье черносливы.

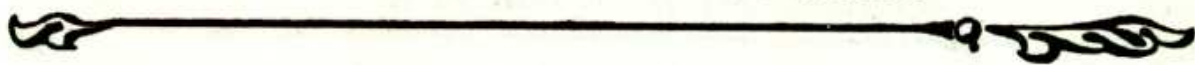
* * *

Весна ворвалась девкой пьяной
в мое угрюмое жильё.
Сперва я не узнал ее,
потом; прислушавшись случайно
к ее зеленым голосам,
мгновенно пьяным стал и сам,
вернее, спятил моментально
от шороха ее плаща...

Мы полночь пили сообща
до дна из звездного стакана...
И ветер тоже с нами пил...

А город в неизвестность плыл
и тоже был, наверно, пьяным.

• • •

Темная, светлая,
добрая, злая
в дверь постучала —
сердце оглохло...
Где это было?
Припоминаю:
в будущем веке
прошлой эпохи!

Припоминаю:
голос небесный
прошелестел мне,
гром заглушая.
Смерть не ужасна,
были бы песни,
все остальное —
мелочь, пожалуй.

Было мне весело.
Припоминаю:
вправо — сломался,
влево — взбесился.
Ночью напуганный,
к призраку-Майе
жадно прильнул
и отравы напился.

Припоминаю:
было мне плохо,
нищим на паперти
клянчил покоя...
Кончена песня,
только не охать,
всласть надышавшись
смрадом левкоя.

* * *

...А небо будущим беременно...

О. Мандельштам

Мы всё ругаем сгоряча,
Всё недовольные друг другом...
А небо отдано грачам,
Летящим в непогоду с юга.

Покинув доброе тепло,
Грачи — крикливые статисты,
Весну играя бескорыстно,
Летят сквозь время напролом.

Уже безумные почти,
Летят и тяжелеют прошлым.
И ветер, хлопая в ладоши,
Грачам о будущем кричит.

. . .

Земля тяжелеет плодами

молчанья и света.

Торжественный лес

в ожидании чуда застыл.

Читаю слова на изгибах сухой бересты:

«Господь одарил нас

мгновением бабьего лета...»

• • •

Осенней тревоги начало,
Цветное кружение дней.
И всё недоступней причалы,
И всё не видать кораблей.

В тумане дневных расстояний
Ни места,
Ни времени нет
Мучениям тайных свиданий,
Прощению прожитых лет.

Пусть помнят о нас
И не помнят.
Безумное время простит...
А солнце пригрелось в ладонях
Озябшим котенком
И спит.

* * *

Небо лапой осеннею всключено,
Воронье озабоченно кружит.
У дороги, на грязной обочине,
Подорожник купается в луже.

Холодами испуганы ранними,
Все пугаются раннего холода,
Задымили кострами окраины
И прижались к бездушному городу.

Затушив фонари-папиросы,
Прибедняются хитрые улицы.
Собрались, будто милости просят,
А кругом — золотая распутица.

Покупается все, продается.
Зазевался — обманут, отнимут.
Клен швыряет горстями червонцы,
Обнажая свою сердцевину.

И дрожит в золотой лихорадке...
Отгулялось, отмучилось. Кончено.
Бабе лето играет в прятки,
Небо лапой осеннею включено.

• • •

Леше Пугачеву

Был год календарный:
Игра откровений, морского прибоя,
Затмения луны...
В бездонную пропасть неслись валуны
С высот
Небывалого землетрясения.

А ветер в игре
Был и властен, и весел,
Над миром раскинув мохнатые лапы,
Вытягивал жилы, шатал поднебесье,
Нечистые силы делил на этапы...

На Север
Этап за этапом он гнал
На древоубийство,
На лесоповал.

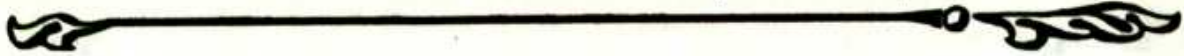

Безносый ревизор

...

Творчества крутое ремесло,
Старые, ущербные ступени...
Прожит день —
И значит — повезло,
Значит,
Прошлый день —
Благословенный.

Проще — вниз,
А вверх — один разор.
Шаг вперед —
И можно оступиться...
И листает медленно страницы
Памяти
Безносый
Ревизор.

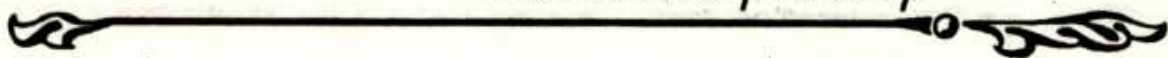
***

Источник надежды еще не иссяк,
Его дароносицы вымя не морщится.
И хищная ф полночь летит на рысях,
Полынь подсыпая в бидоны молочницам.

И горькому пойлу земную хвалу
Рожок пастушонка чирикает весело.
И сытого неба сырую халву
Рассвет превращает в тягучее месиво.

А в доме моем отпевалы-часы,
Потерь и находок сподвижники страстные,
На хмурые окна глазища скосив,
Пугают меня изуверской гримасою.

И, двери в простор изначальный рванув,
Несусь по спиральям заплеванной лестницы,
И следом за мной, разбудив тишину
Несется бессонниц моих окоlesiца.

. . .

Память моя — лихорадка колючая —
Мучает прошлым в бреду и во сне.
Время свернулось змеею гремучею —
Случая жало кошмара страшней.

С красной строки роковое мгновение
Властно диктует забавный сюжет:
Грязная лестница — поле сражения.
И без конца рубежи этажей.

Звонкому эху веселой баталии
Внемлет покорная дура-луна.
Сколько мы ночью обид нашептали ей,
Сколько предательства помнит она!

Но, тишиною высокой поправшая
Нашей победы слепую тщету,
Благословляет безумного маршала
На унижение и нищету.

И, обретая второе дыхание,
В спешке колпак дурака позабыв,
Я ухожу на глухие окраины,
Опровергая запретов столбы.

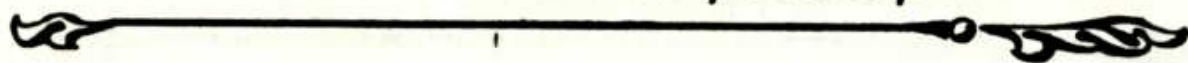
• • •

На фундаменте дыханья
Замок ночи, замок пенья.
Там мое уединенье,
Боль разлуки, радость тайны.

Там раскованно и вольно,
В темпе медленного вальса,
Лики лунные кружатся,
Приживальцы ночи темной.

Там свободное начало
Откровений одиноких.
Заколдованные строки
С песней небо там венчают.

Время платит вместо денег
За свободу звезд полушки.
Утром замок мой разрушен
Будет легким дуновеньем.

Очарованные дали,
Что казались недоступны,
Будут пятнышками утром
Чуть виднеться из развалин.

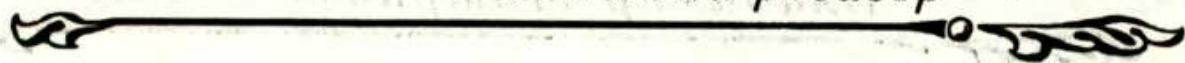
* * *

Остыл вечерний чай,
И нету прока в нем.
Пустопорожный час
Скривился за окном.

За знаком меркнет знак,
Ни слова за строкой.
Бумаги желтизна
Дымится под рукой.

Последнюю главу
Переживу едва ли...
Виденья наяву
Эпических баталий.

***

Безмолвие кругом,
Но слышен свист и топот.
И в орудийный гром
Вдруг превратился в шепот.

Архангел чистит медь
Во имя чьей-то славы.
Бессмертие и смерть
Налево и направо.

Повсюду треск сухой
От барабанной дроби,
Споем за упокой,
Коль час последний пробил.

Равнение на штандарт,
На подвиг строй за строем!
Мой безымянный брат,
Споем, а может, взвоем?!

Пусть времени в обрез,
Уже палач смеется.
Нам этот вой на вес
На том свету зачтется!

Он на исходе дня
Из тления воскреснет,
Воскреснет из огня
И превратится в песню.

* * *

Не пейте синее вино.
Вам все равно, каким упиться,
А мне дорога вечно снится,
И дали видятся в окно.

Я сохраню глоточек сини,
Когда решусь и укачу,
Ее с собой я захвачу,
Как заклинанье от бессилья.

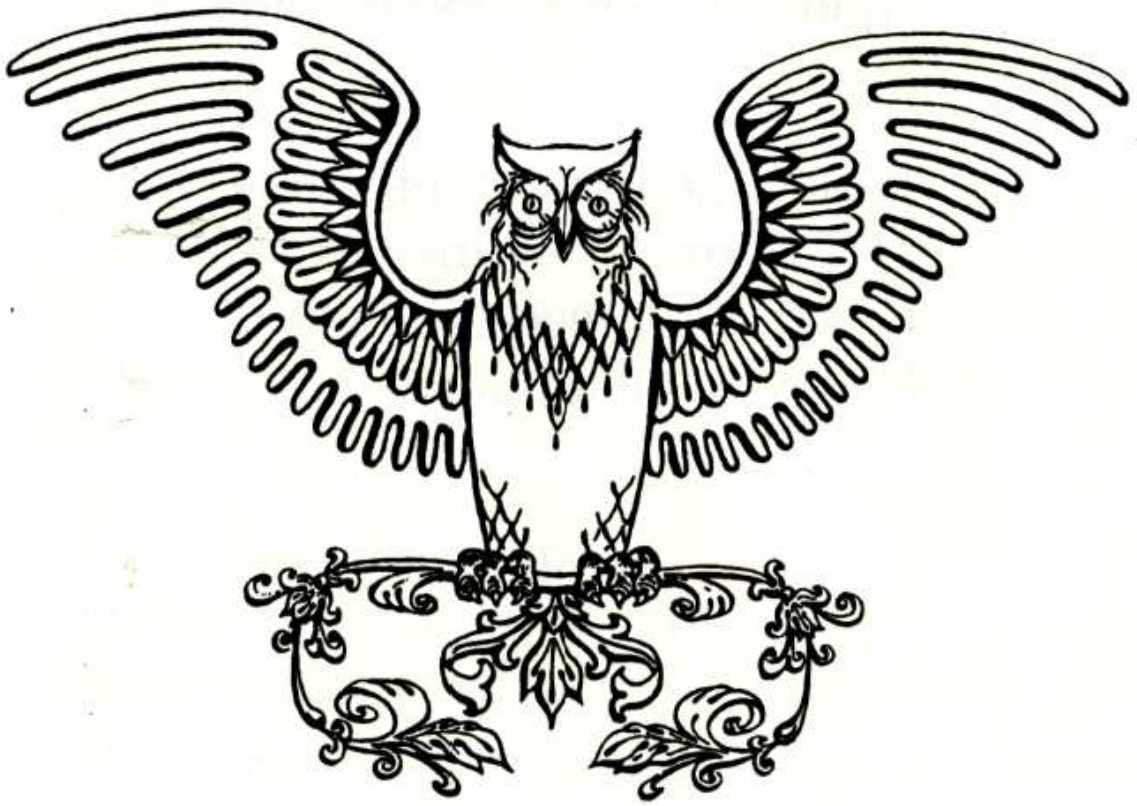
Не пейте синее, прошу,
Не пейте, синь — моя отрава!
В нее я хлеба накрошу
И сам состряпаю приправу.

Один присяду у огня
И синевой стакан наполню.
Закружит пьяного меня
Привычка нелюбимых комнат.

В окно дорога, степь в окно,
Мой загород — мое кочевье,
В стакане синее свеченье...
Не пейте синее вино.

Душные песни

* * *

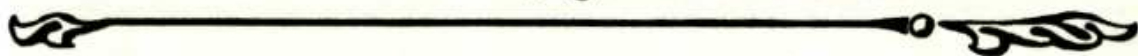
1

Ночь длиннее, чем жизнь.
Я лежу, опрокинутый звуками.
Темнота, будто Вагнер,
Аккорды бессмертья берет.
Возвращайся, душа,
Пробирайся ко мне переулками.
Я — твой лагерь,
Пусть радость тебя захлестнет.

Я — сгоревший твой дом.
А цветы не растут на пожарищах.
Только пепел да гарь,
Только ветер в пролетах свистит.
Мы жилище найдем,
Мы забудем сбежавших товарищей...
Ночь, играй,
Теснотою сжимая виски.

Пусть угарно и душно,
У Вагнера хватит терпения.
Струны болью звенят
Под ударом тугой темноты.
Кто-то новый придет
И послушает звонкое пение,
И расчистит меня,
И на чистом посадит цветы.

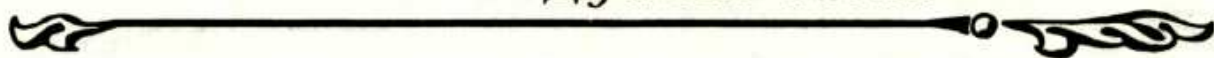
2

Я не погиб, но пустоту души
Бунтующая вьюга не заполнит.
И стрелка часовая круг вершит,
И в пустоту глядятся окна комнат.

И не пришла, и вряд ли ты придешь.
И тянутся мгновения веками,
И кажется, что вьюгой ты поешь,
Давно мое оплакав ожиданье.

По спинам заметеленных домов
Моя душа лунатиком крадется.
Как ни зови — с тобою заодно
Она ко мне, наверно, не вернется.

Где жили мы, там нынче пустота.
Наверное, живое не пустует...
Я не погиб, я только ждать устал,
И стрелки круг сомкнули вхолостую.

3

И всё...
Сгоревшие иллюзии
Да постоянный двор мечты.
Еще ласкаешь сердце музою,
Уже не сбывшаяся ты.

Еще оплакивать нам нечего
В дождливых числах сентября,
Но всё теплее и доверчивей
Поленья зрелости горят.

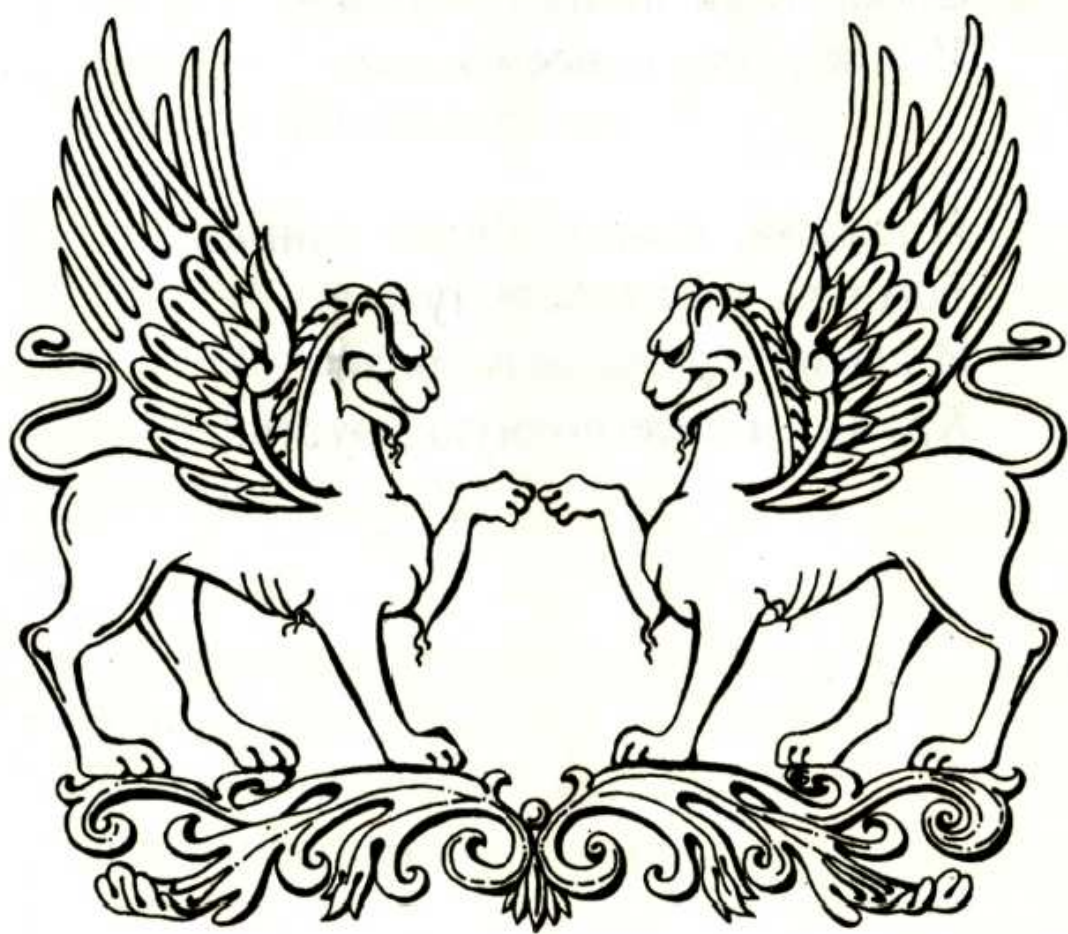
И переходит жизнь короткая
В молчанье вечных площадей.
Любовь идет своей походкою,
И я не прикасаюсь к ней.

Не подхожу к ее ласкающей,
Ее пьянящей высоте...
Свои стихи пишу пока еще
И знаю, что совсем не те.

И мысли, мысли, будто узники,
Томятся в каземате чувств.
И звезд сгревшие иллюзии
Хранят в себе ночную грусть.

Ностальгия

* * *

В горькие минуты вдохновенья,
От испуга тяжело дыша,
Маленькая лошадь на арене
Делает смешное антраша...

.....
.....

Кончен век, трагический и скромный,
Праздник краток. Долгое похмелье.
По земле проносятся метели,
Вырывая прожитое с корнем.

* * *

Накорми мою душу отборным враньем,
Мой злодей, отравитель и сказочник.
Пусть знамена бесцветные прошлых времен
Разлетятся по осени красочной.

Мой учитель, дрянная сорви-голова,
Ослепленный осенним орнаментом,
Слушай музыку. Нам ли скупые слова
Подбирать у подножия памяти?

Мы по ветру полотнища дней развернем.
Над землей наши души полощутся...
Согревает рассветы холодным огнем
Мудрой осени разноголосица.

* * *

Безумно тяжело дышать —
Кисель тумана.
И умирают неспеша
Воспоминанья.

У памяти границу снов
Взломал рассвет.
И не хватает нужных слов
И силы нет.

Клыками хищного огня
Страшат костры.
Сквозь тишину — не тронь меня —
Кричу — пусти!

Кричу — одно движение губ —
Бесплотен звук.
На гроб окованный в углу
Похож сундук.

Старуха возле сундука...
Коптит ночник.
Коса белеет, а в руках
Дрожат ключи.

Мгновение — зловещий жар
И холод вещей...
Сундук распахнут, в нем лежат
Чужие вещи.

Холодный отблеск серебрит
Слой нафталина.
Два знака или две судьбы
На ленте синей.

Перчатки царственный излом
От тонких пальцев
Напомнил мне о годе том,
Что сном казался.

Когда предновогодний снег
В ладонь ложился
За окнами, а значит, вне
Дел и традиций.

И веер верного крыла —
Вершина взлета!
Такая высота была,
И падал кто-то

То в пьяный омут с головой,
То на колени...
Преимственность была такой
У поколений.

И все-таки была любовь,
И песни были,
И, вовсе не жалея лбов,
Мы в стены бились

Бетонные.
Их не пробить...
Озноб кинжальный.
Два знака или две судьбы
В руках державных.

* * *

Теряется снова то в прошлом, то в будущем
Сегодняшний день. Суета, суета...
Всё тише играет вишневая дудочка,
Всё что-то неладно, всё что-то не так.

Но старые дворики всё еще помнятся.
Тасую колоду чужих адресов.
Козырная карта — старуха бессонница —
Разводит без усталости стрелки часов.

Спокойная жизнь — пропади она пропадом
С таким исчисленьем планид и планет.
Посмертно влюбленный в цветочные шепоты,
Живет еще призрачный мальчик во мне.

Меня он зовет и зовет на окраины,
В полнеба открыв золотые глаза...
И каются где-то угрюмые кайны,
Кровавые слезы украдкой слизав.

* * *

Мне сегодня чудится,
Будто я — пришелец.
Превратились улицы
В тараканьи щели.

Выбоины скользкие.
Прямо в темя брызжет
Лунными осколками
Мостовой булыжник.

Окна зарешечены,
Двери заколочены...
Не сойти с обочины —
Что ни шаг — пощечина.

• • •

Пусть денно и ночью,
угрюмою тайной владея,
брюзжит Заратустра,
скупых и слепых поучая.
Мы — вольные странники.
Знамя нам - знак Водолея,
к изысканной пристани
челн мы убогий причалим.

Веселые бражники,
дети лихих сквернословов,
мы книги читаем
глазами голодной пустыни.
И, кружки с вином опрокинувши,
снова и снова
осколки столетья
мы топчем ногами босыми.

* * *

Горжусь, упрямый старожил,
Виденьем нежилого дома,
Когда одолевает дрема
Тупых любителей погрома.
И нет расчета сторожить
Уже столовые ножи...

Уже сосед с отрыжкой сальной
Не потревожит пьяным бредом,
Клянясь и матерью, и дедом
В любви пожизненной соседу...
Такой порядок идеальный
Теперь в квартире коммунальной.

Напоминает старый дом
Покой картинной галереи
Или святилища, скорее,
Где прах столетний мирно реет.
И где читаются с трудом
Страницы трещин от и до.

Но существует парадокс —
И тише, тише разговоры.
И тени бродят, будто воры,
По комнатам и коридорам.
И по углам гундосят в нос,
Что дому уготован снос.

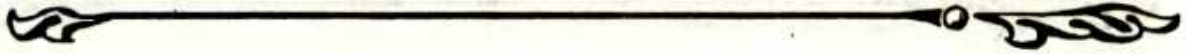

Горький конфитюр

* * *

Как по мужу вдова,
как по мертвому мать,
так с надрывом сова
будет ночью кричать.

Будет в крике ночном
вековая тоска.
О несчастье ничьём
будет этот рассказ.

О забытой судьбе
не сове начинать.
Будет ветер не петь,
будет горы качать.

Не о тех, кто живой,
будет ветра рассказ,
а о тех, кто ушел,
затерялся меж скал

навсегда...
В темноту
будет лес оползать,
будет в небе тонуть,
задыхаясь, звезда.

* * *

Прощают всех.
И нас простить не трудно —
усталых обывателей земли.
Не наша в том вина, что мы росли
за каменной оградой
серых будней.

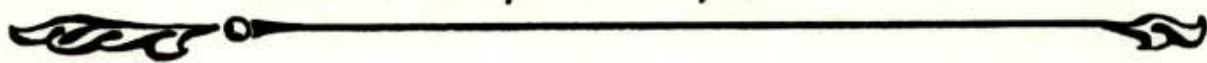
На перекрестках
скучных городов,
растерянных,
нас время растеряло.
И настигает нас
скупая старость
на перекрестках
скучных городов.

Мы пьем
и затеваем глупый спор,
вживаясь в быт
прокуренных кварталов...
Прощают всех,
но нас простят едва ли —
бессмертия
подписан приговор.

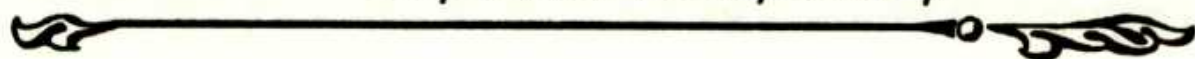
• • •

Пишу торжественным петитом
На целый разворот листа:
Тоска Великого поста
Для светлой радости открыта!

Для грусти скручена струна
Из сновидения и слова...
И под таинственным покровом
Сияет времени луна.

Мужайся, одинокий дух!
Не все грешно в полночном мире.
Читая звездные псалтыри,
Земную вижу высоту...

. . .

Душа огромная
с тенями и оттенками,
с углами темноты,
добра и зла,
с домами света,
с каменными стенками
пороков
рокового ремесла,

где толпы
очумевших пешеходов
бездушно топчут
лепестки надежд,
где смерть-красавица
у мальчика-урода,
костьми стуча,
расчесывает плешь.

Руки нетерпеливый жест —
Влечение стропливой мысли.
К земле простуженной склонился
Часовни поржавевший крест.

Река прохладой волны
Лизнула треснувшую осыпь.
Любви разбуженные осы
Медовым солодом волны.

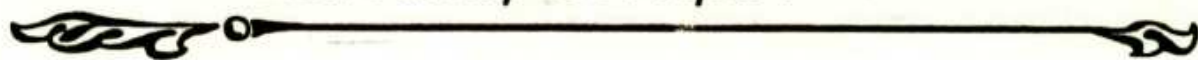
Загадочен весенний плен.
Вдыхаю воздух ядовитый.
Да будет вечно плодовой
Моя лирическая лень.

Да будет не особо крут
Стихотворений путь окольный.
Да ни кола, ни колокольни
В моем владенье не найдут.

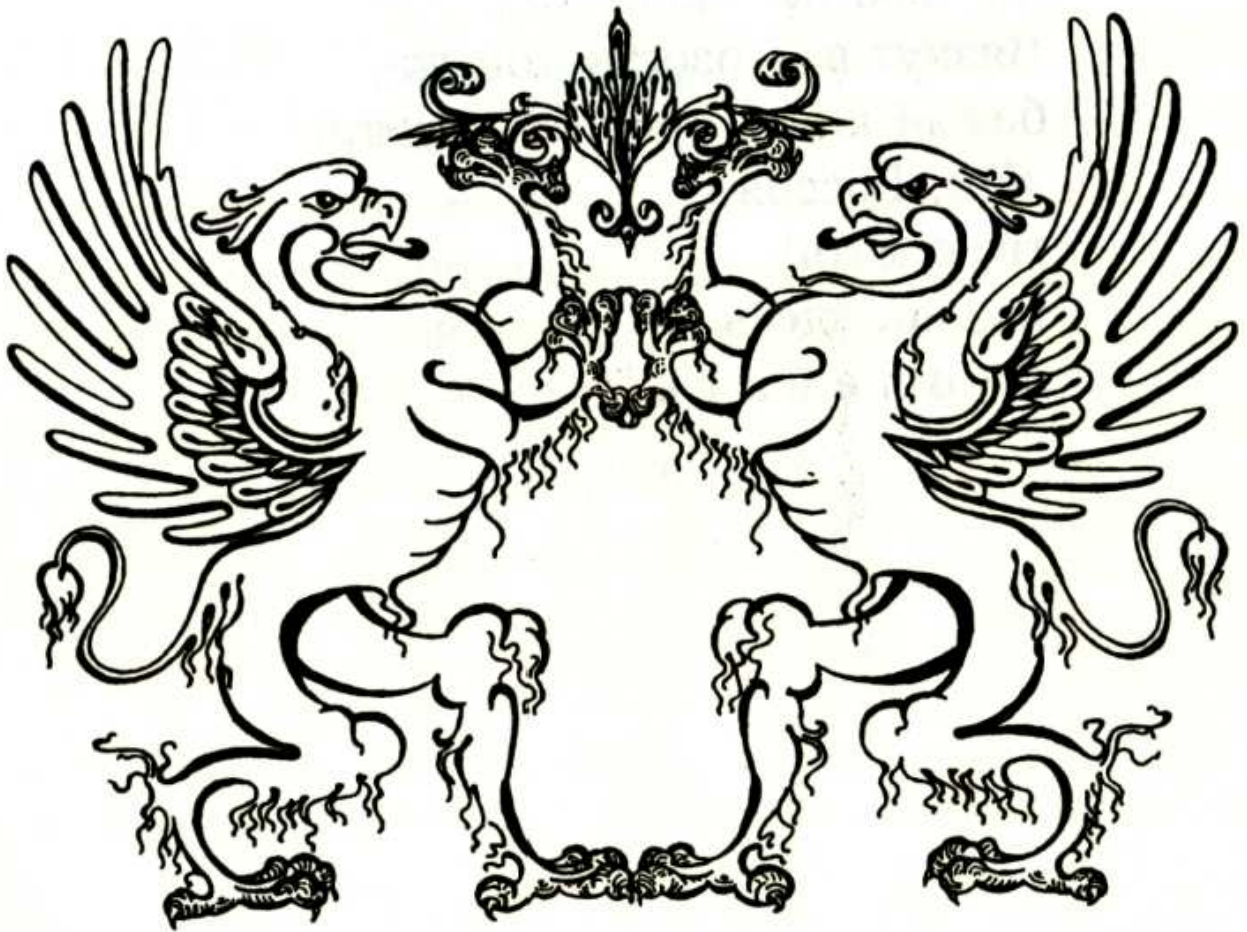
• • •

Красный конь.
Белый князь.
Под ногами
слизь да грязь.
Слева —
крепость.
Справа —
ров.
Позади —
толпа воров.

Матом колокол
гудит —
ни хера нет впереди...
Вязнут в мерзости копыта,
белый князь кричит сердито:
«Эх, Россия,
твою мать!
Видно, здесь
око лев ать!»

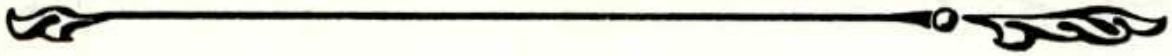

Поэмы

ПОГОНЯ

.....
.....

Мы, маленькие пленники
пространства,
играем часто
на крапленых картах,
а проигравши,
проклинаяем случай
и случаю
вновь молимся в испуге.

И на тропе,
запутанной судьбою,
устало мы расходимся
с мечтою.

Бессонницы
пехотный барабан
сухим горохом
сыплет в ночь
побудку.
Вперед,
вперед
на ратные дела,
вприпрыжку,
неизвестные солдаты!
За Родину,
за будущее,
предков,
за право
называться безымянными...

Погибнув,
попадем
на свалку века,
причислимся
к героям оловянным.

Нам общий —
поднебесный обелиск
и орден общий —
вечных дураков...

.....
.....

Летает жизнь
по комнатной орбите.
В кладовке
застоялся дух крысиный.
Надежды одиночества,
не спите,
под одеялом сна
горбятя спины.

На просеке
переоценок ваших
я делаю
привал.

Я разжигаю
вечности костер,
и спутники мои —
зверье созвездий —
устало дремлют,
погасив глаза.

А я стою
на страже их покоя.
Я — часовой,
стоящий на часах.

Мне тишина
былины надышала
и разгадала
клинопись вселенной...
И с высоты
нетронутых сказаний
летит мечта
сгорающей кометой.

Все ниже,
ниже,
только б
дотянуться,
схватить ее
и остудить в ладонях,
и в темноте
найти свою дорогу,
и весело шагать,
усталость пряча...

Не дотянуться.
Снова неудача.

Мечта, сгорая,
пролетела мимо.

Так было в детстве:
тайнами ранимый,
я жил мечтой
бессонными ночами,
а если
забывался на рассвете,
разбуженный мечтою,
просыпался.

Голодный
и затравленный волчонок,
я часто
псовой травли
опасался,
и, утомленный
егерской погоней,
я к теплomu огню мечты
стремился.

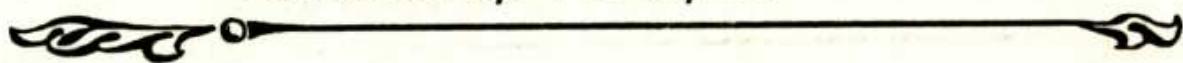
Удача...
На каких она дорогах,
кому она
звездой нетленной
светит,
кому улыбки щедрые бросает
и в непогоду
щедро согревает?

Так было
в юности.
С отчизною простившись,
в завьюженные дали
шагал я по этапу.
Молчала неизвестность.
И тайная мечта
меня съедала,
валила часто
навзничь
под откосы
и поднимала
выстрелом жестоким...
И всё была
моей самоотдачей.

Кто-то утверждает,
будто время
лечит.
Оно лишь
раны временно рубцует,
потом их
непреренно открывает.
И начинают раны
кровоточить.

Мечты чужие
по чужим дорогам
упрямо ходят
и удачу ищут,
и телу
в темноте ночлег находят,
и сердцу,
и уму
находят пищу.

Моя мечта —
оплаканные годы...
Химера,
призрак,
ты ли это,
ты ли?..
Плывет,
плывет
бумажный пароходик,
отсчитывая
жизненные мили.

КОЛЬЦА ВРЕМЕНИ**Посвящение**

*Всем,
кто в месиве тел полощется.
В скопе живущим
присно и днесь.
Я —
охрипший певец одиночества,
воскрешаю добрую весть.*

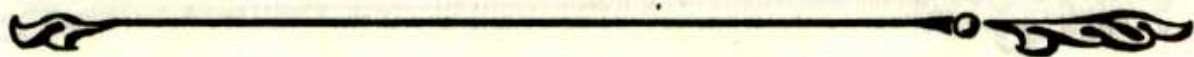

Дождь,
дождь,
дождь...

По городу кружит, кружит, кружит,
обиженный,
ненужный никому,
как одинокий, пьяный человек.

То в дом ворвется
через черный вход,
то в форточку
к кому-нибудь залезет,
то на крыльце простуженном
сидит.

Холодный дождь.
И все-таки весна,
и одиноко сознавать,
что ты не нужен.
А может быть,
и ты необходим,
как вера,
как забытое родство.
Так труженику
нужен пот,
когда он, забывая всех
и вся,
свои мечты в реальность
воплощает.

Иди туда,
где поросли поля,
где, задыхаясь, корчится природа
от вечной жажды.
Иди и жертвуй
суть свою и плоть
во имя будущего.
Здесь ты человек —
лишний.

Я меряю
лоснящийся асфальт
неровным шагом
собственной души.
Рябит в глазах
от праздничных реклам,
и я с дождем
не попадаю в ритм.

Две капли
прыгнули в мои ладони,
как два бездомных
маленьких щенка,
и вдруг
от теплоты промокших рук
они мгновенно начали расти.
Крупней,
крупней,
уже в саженный рост,
уже давно меня переросли.
И, приняв одиночества размер,
на ломаном наречии дождя
они о непонятном говорят.

Какие праздничные дни,
Какие розничные будни!
Я поднимаю воротник,
Оберегаясь от простуды.

Иду к забытым сквознякам
В застенчивые подворотни.
Ложится на руку рука
Осиротевшей, старой сводни.

Ей деньги, поцелуи — мне,
Всё, как положено на торгах...
На мятой, грязной простыне
Я оставляю свой автограф.

Потом — испариною пот.
И полтаблетки валидола.
Ни подо мной, ни просто под,
Всё так простуженно и голо.

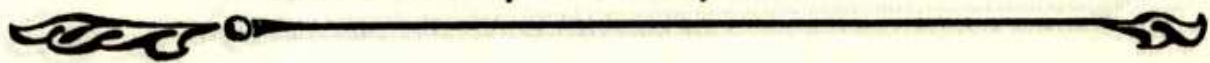
Как будто сдернули живьем
С души шагреновую кожу,
Но до рассвета доживем,
Потом до вечера, быть может.

Потом всю ночь один, один
По подворотням шляться буду...
Я поднимаю воротник,
Оберегаясь от простуды.

...И мы,
Всего лишь навсегда,
Игрушки.
И маленькая жизнь
Играет нами.
Жизнь маленькая
Вырастет
В большую,
И мы узнаем
Тесноту чуланов.
И превратятся дни
В сплошные ночи,
И будут ночи
Тише и безмолвней.

И только писк
Слепой и старой крысы
Казаться будет
Бесконечным вальсом.
И будем мы
Испуганно кружиться
По тесному колечку
Постоянства...

ЯЗЫЧНИЦА

.....
.....
.....
.....

Заиграла осень на свирели,
Аиста вспугнула из гнезда.
Канут в неизвестность каравеллы,
Легкие расправив паруса.

И тоска дорожная, глухая
Непогодой окольцует даль.
Аистовы семьи улетают,
Юность улетает навсегда.

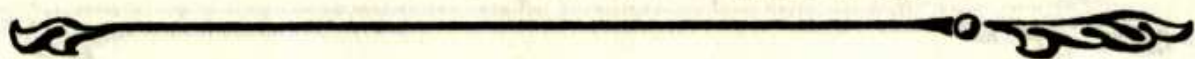
Последним солнечным прелюдом
Ласкает землю листопад,
А бабье лето невпопад
Чуть свет заводит пересуды.

Еще тепло, но вечер, ах!
Морозный запах на губах...

И ты идешь.

Смешались улицы, дома,

Мосты, заборы, подворотни.
Египет пал, рассвет холодный
Хохочет, сводит нас с ума.

Осенний, удалой размах,
Морозный запах на губах...

И ты пришла.

Жрица долгих ночей,
Азиатка с потерянным именем,
Распусти над землею туманный свой шлейф.
Окольцуют дороги напевы твои одержимые
Междометьем дождей.

Окольцуют тоской и щемящей усталостью,
Голубые поля позади...
Непогода пьянит, и у берега старости
Я кричу в тишину: «Приходи!»

И стучишься ты в дверь.

Хочешь, построю из ветра корабль,

Осень на реях натянется парусом.

Ласково манят чужие края.

О, как волна в твои косы вплетается.

День на ладонях уносит корабль.

Осень на реях загадочным парусом...

Меряет даль...

...Нам в жизни всем проигрывать дано.
Осенний день клюкой стучит в окно.
Мой путь в клубок смотала ты давно.

Тебя еще не раз вернут назад
В мою страну оборванных обой.
Откроешь дверь — и сбросишь паруса,
И будем чай мы допивать с тобой.

Хранить не будем больше паруса...
Но и когда закроются глаза,
Одно и то же видится двоим —
Гуляют в море чьи-то паруса.

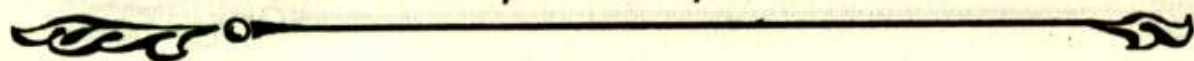
ЗАГОВОР ВЕЩЕЙ

1

Угадываю заговор вещей,
их бунт капризом века обусловлен.
Безумный человек,
замри безмолвно!
Живи покорно
и умри в нужде.

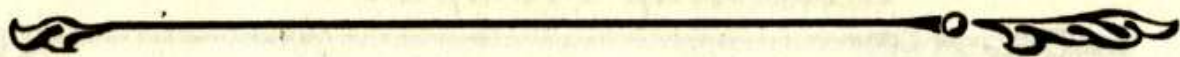
За рядом ряд
в бесформенном строю
шагают вещи,
распустив знамена.
Так шли вперед
полки Наполеона,
непогрешимость
чувствуя свою.

Участники кровавых мятежей,
вы только жертва
будущей измены.
Копайте ямы
и взрывайте стены.
Угадываю
заговор вещей.

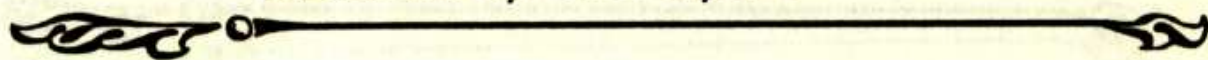

2

Вот вещи, в них
звериная тоска
и яростная ненависть
рождения.
И жажда
своего освобождения
переросла
в предательский оскал.

Еще мгновенье —
движется стена,
пойдет на штурм
домашнего устоя.
И шифоньер гнилою пустотою
тряхнет,
и все стекляшки
зазвенят.

Столѣ еду смердящую
стряхнут.
Влюбленных разом
скинут все кушетки.
И даже самовар —
седой отшельник,
пыхтя, отдаст мятежникам
салют.

Ты на юге,
а я здесь.
Вымела вьюга
снежный крест.

Я распят
на этом кресте.
Люди спят.
Сновиденья — степь.

Жажда встать,
окатиться водой,
жажда стакана
небесной влаги.
Жажда новой встречи
с тобой.

Платит вьюга
монетой лжи...
Казнь — это тоже жизнь!

Меня казнят
и не воскресну,
не вознесусь.
Останутся
чужие песни
и чья-то грусть.

И месяц
старой приживалкой
войдет в покой,
вздохнет
и вымолвит устало —
мол, был такой.

И вьюги
белое свеченье
взорвет
чердак.
И будет черный
крест
и череп.
И кость желта.

Бегите в пустыню.
Покой степей
спасет и ныне
мешок костей.

От наваждения,
от бунта стен
одно спасение —
глухая степь.

Сколько крестов,
столько могил.
Что ни могила —
цель.
А по дорогам —
шаги, шаги
говорящих вещей.

Каждая вещь — душа,
душа,
что ни душа —
бунт.
По откровению шаг,
шаг...
Вещи идут...

...Идет метель
по безлюдному миру,
распустив искрящийся саван.
Слава, слава Деве Марии!
Деве Марии —
слава!

В темном хлеву
под коровье мычанье
свершилось рожденье.
Усталая вьюга
В стены стучала
в изнеможеньи.

И Он явился,
тихий, маленький,
еще не гоним,
и, уткнувшись
в теплое, мамино,
нимб уронил.

Слава, слава
Тебе, Непорочной,
слава тысячи лет,
слава Чистой,
еще необросшей
щетиной легенд!

И нет тебя.
Рассвет еще страшней.
Ползут зари
кровавые подтеки...
И видится
мне заговор вещей.
И рукоплещут спятившие
строки.

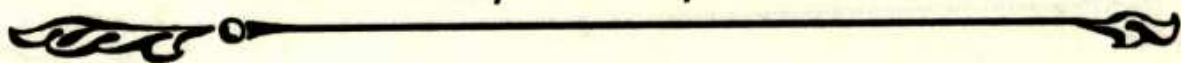

ПОЭМА ПРОЗЫ

.....
.....
До дома твоего
трамваем
пять минут.

Я болен.
Я хромой и старый кот.
Мне до дверей твоих
не дохромать.

А улица
все ниже, ниже, вниз.
Без слов, без сновидений, без утрат.
Не подобраться к солнцу,
не солгать,
не объяснить значения угла.

Мы немые.
Нам не хватает времени
обидное сказать:
любовь —
обман...
Нас ночь свела,
и ночь
разлучит нас.
Тем лучше.
Хуже разлучаться днем.

Во тьме
не видно,
как горит душа,
не слышно лжи,
и сердцем не понять,
что между нами
долго жил
обман.

Как много
 для двоих
 ненужных слов:
 ты —
 не моя любовь,
 ты —
 мой обман,
 ты каждого,
 кто руку протянул,
 но ты —
 ничья,
 ты — НОЧЬ...

.....

.....

...И ты —
мой шторм.
Я —
тонущий корабль.

На гребнях волн
виднее горизонт.
С тобой,
пожалуй, легче умереть.
Во всяком случае,
смерть
искренней любви...

Ночь горожан
в квартиры загнала,
закрыла двери
и задула свет.
У города
не выпросить огня.
Не прикурить.
Ночь.

Сила бытия
смертельной хваткой
стиснула бока.
Мне кажется,
что снова рядом
ты.

Сильнее обнимай.
Я задыхаюсь
от любви,
от боли.
Ты —
боль моя,
но ты
ничья,
ты —
ночь.

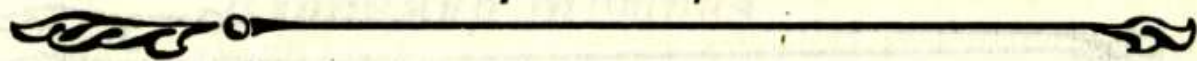

Все чаще
от бессонницы лечусь,
а лекарь —
вечность.
И не хватает слов.

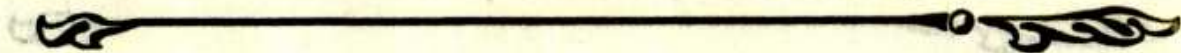
Все чаще
мы молчим.

У рыб —
любовь без слов.
У кораблей —
сигнальные огни,
у нас —
обида...

У каждого —
у мужа,
у жены —
прописка,
паспорт,
проездной билет
и постоянный.

Возвращаясь завтра
...завтра оидот с iam A

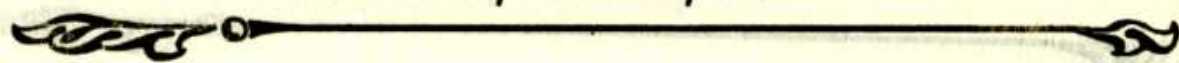
И в постоянстве
сила их
и дух.
Они неповторимы
в своем нелепом
скучном повторенье.

А мы с тобою врозь...

Мне кажется,
весь мир
у наших ног,
и мы —
весь мир,
и мы
лежим у ног
незримых завтра.

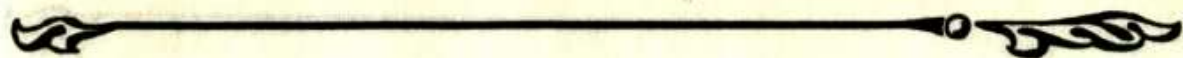

Пусть в каждом взгляде
будет осуждение.

Мы —
вечность,
мы же —
миг.

Мы — вспышка спичек,
гаснущих от ветра.

Не прикурить
от звезд,
не прикурить
от спичек.
Ветер.
ни вет,
ни завтра,
никогда...

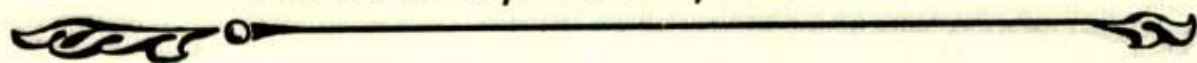
На всех людей
единая кровать —
небытие.
И смертных всех
укачивает
вечность.

Мы — вешалка сачок,
гаснущих от ветра.

Условность времени,
и мы с тобой —
условно.
На тысячи вопросов
есть ответ:
ни да,
ни нет,
ни завтра,
никогда...

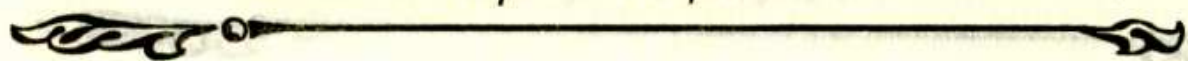
На ветренном углу
стою
и набираю номер.
Твой телефон:
03 и 01.

После коротких
и длинных позывных
я слышу голос твой
далекий
и глухой:
«Сейчас нельзя,
я занята,
друзья...»

А в запасе комната
и много пыльных книг,
коронных,
умных,
маленьких,
больших.

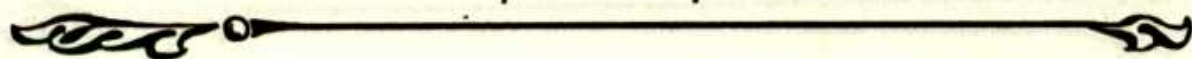
Я прикурил у звезд,
повесил трубку,
кончено.
Конец...

Обманываю
друзей,
обманываю
время,
обманываю
себя,
прикидываясь бездомным...

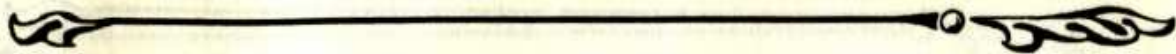
А в запасе комната
и много пыльных книг,
хороших,
умных,
маленьких,
больших...

Две женщины
по комнате снуют.
Справляясь о погоде,
подают мне чай.

Да, холодно:
на улице зима,
да, ветрено:
ужасная метель.

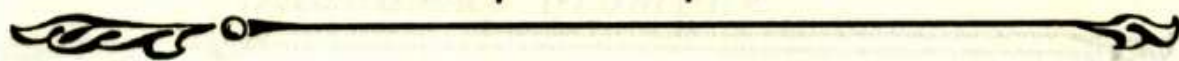
Такая
заметет легко следы,
заглушит голос.

И не один
на свете телефон
не вылечит
и не помирит нас.

Любимая,
он нас
разъединил.
Мы —
разные...

Я — каторжник
дороги роковой,
а время —
суд...

Я открываю
пачку сигарет,
хозяйка
подает мне прикурить..
Курю.
Веду непринужденный разговор.

.....
.....
Я наполняю комнату
тайгой,
оленьями,
течением горных рек.
Гуляет свежий ветер
по углам,
и эхо выстрелов
туманит зеркала.

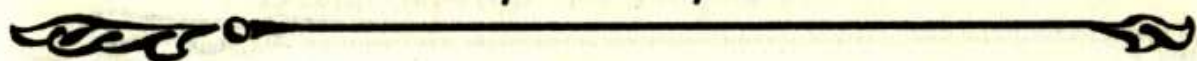

От темноты,
слипаются глаза,
а я все говорю
и говорю.
И стрелки на часах
сомкнули круг,
и полночь скачет
на одной ноге,
и много слов
хороших,
умных слов,
и глупых слов,
и равнодушных слов.
И я не в силах
даже отдохнуть.

Меня схватила
теплая кровать,
укутала прибоем одеял
и унесла
в заученные сны.
До дома твоего
трамваем
пять минут...

И не хватает слов...

Слышу, слышу, слышу
Вздохи, стоны, рыдания
И восторженные крики
В зыбкой тишине
Дождя, ветра, грозы
И одинокий свет
На одной ноте,
В много слов
И в тишине
И в тишине
И в тишине
И в тишине
И в тишине
И в тишине

ПОЭМА МОСТА

Фрагменты

1

Живу в средневековом замке,
В поместье старого безумья
Пронзительно визжит шарманка,
По кругу мечется плясунья

Колдуньей, дочерью насилья
На раскаленной сковородке:
То машет огненной косынкой,
То сыплет мелкою чечеткой.

Роднятся в бешеном круженье
Мои глаза с ее глазами.
Весельем правит красный демон,
Качается старинный замок.

Ни половиц, ни стен, ни потолка —
Сжимают душу каменные челюсти.
Не вырваться, видения рука
Плевком свинцовым прямо в душу целится.

2

Замок, замок.
Выстрел умолк.
Пальцами рук
Душится звук.

Клякса — гуашь,
Пляска теней.
Сытая блажь —
Жить в тишине.

Тихо кругом,
Только движенье.
Вижу погром
Жизни блаженной.

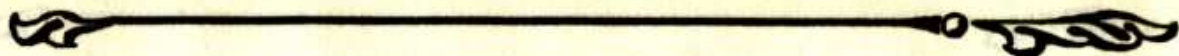

Бисером пот,
Не отдышаться.
Тихо живет
Сытое братство.

Только в бреду
Просят простора.
Грозный редут —
Пасть коридора.

В каждом окне
Выставлен пост.
Выхода нет —
Огненный мост.

В сторону шаг —
Мост без перил...
Не убежать,
Ночь — конвоир.

Выстрелом глушит
Звонкую песнь.
Воздух насущный
Дашь нам днесь,
Господи...

Господи!
Скоро рассвет.
На горизонте звезда угасла.
Ночь отступила, кончился бред.
Замка безумья в помине нет...
Господи, здравствуй!

СОДЕРЖАНИЕ

ЗВУКИ СОМНЕНИЙ

«К тебе на исповедь пришел...»	9
«Войди в меня, мое сомненье...»	10
«Это клочки неразборчивых мыслей.»	11
«Обуглились крылья...»	12
«Приходит ночь уединенья...»	14
«Черная метель над красным станом.»	16
«Пора роковых ожиданий.»	18
«Уже проспали мы...»	20
«Родина!»	22
«Когда из грота алеутских гор...»	24
«Кружение и суета...»	25
«И Моцарта любил Сальери...»	26
«Самообманом истины больны...»	28
«Сдаюсь на милость побежденных.»	29

ГОРОДСКОЙ НАТЮРМОРТ

«Мы воруем и верим. И врем.»	33
«Скорое время.»	34
«Слизь осенних щедрот...»	35
«У потаскух торжественный прием.»	37
«В четвертом, пятом и шестом...»	38
«Вернемся к празднику!»	39
Сонет	41
«Восстал лирический закат...»	42

ЗЕМЛЯ

Земля	47
«Не говори, со мной не сговоришься.»	49
«Вольная воля да степь в три дороги...»	51
«Под Новый год, на Рождество...»	53
«Зимы узоры на стекле...»	55
Крещенский мороз	57
Март	60
«Весна ворвалась девкой пьяной...»	64
«Темная, светлая...»	65
«Мы все ругаем сгоряча...»	67
«Земля тяжелеет плодами молчанья и света...»	68
«Осенней тревоги начало...»	69
«Небо лапой осеннею включено...»	70
«Был год календарный...»	72

БЕЗНОСЫЙ РЕВИЗОР

- «Творчества крутое ремесло...» 77
«Источник надежды еще не иссяк...» 78
«Память¹ моя - лихорадка колючая...» 80
«На фундаменте дыханья...» 82
«Остыл вечерний чай...» 84
«Не пейте синее вино.» 88

ДУШНЫЕ ПЕСНИ

1. «Ночь длиннее, чем жизнь.» 93
2. «Я не погиб, но пустоту души...» 96
3. «И все...» 98

НОСТАЛЬГИЯ

- «В горькие минуты вдохновенья...» 103
«Накорми мою душу отборным
враньем...» 104
«Безумно тяжело дышать...» 105
«Теряется снова то в прошлом,
то в будущем...» 110
«Мне сегодня чудится...» 112
«Пусть денно и ночью...» 113
«Горжусь, упрямый старожил...» 114

ГОРЬКИЙ КОНФИТЮР

«Как по мужу вдова...»	119
«Прощают всех.»	121
«Пишу торжественным петитом...»	124
«Душа огромная...»	125
«Руки нетерпеливый жест...»	126
«Красный конь.»	128

ПОЭМЫ

Погоня	133
Кольца Времени	147
Язычница	157
Заговор вещей	163
Поэма прозы	177
Поэма моста. <i>Фрагменты</i>	205

*Издатели выражают особую благодарность
С.Л.Яновицкому за предоставление
материалов для настоящего сборника.*

МОТРИЧ
Володимир Михайлович

Вірші та поеми

Російською мовою

Технічний редактор Н.В.Зубар
Коректор О.М.Коцько

Здано на виробництво 16.08.93

Підписано до друку 18. Формат 60/90 1/16
Гарнітура Кудряшовская Друк офсетний.

Умовн. друк. арк. 13,5

Тираж 5000 прим.

Папір №1

Зам. №1674

Ціна договірна.

Видавництво «Енграм».

310057, Харків-57, вул. Пушкінська, 25-б.

Комп'ютерний набір, верстка та макетування:

Інформаційна фірма «Край».

312040, м. Дергачі, Харківської обл.,

пров. Харківський, 1.

Харківська міська друкарня № 16.

310003, Харків-3, вул. Університетська, 16.

Мотрич В. Вірші та поеми. — Х:

М85 Видавництво «Енграм», 1993. — 216 с.
ISBN 5-7707-4380-8

Ім'я Володимира Мотрича мало відоме широкому колу читачів, але справжні любителі поезії пам'ятають його вірші, які передавалися з осторогою з рук в руки на зламі шестидесятих і семидесятих років.

Нині вірші опального поета з розкритих рук, як птахи, вихопилися на вільний простір.

М 4702010202-001 Без оголошення.